

С.В. Юхо (Несвиж, Беларусь)

**АНТРОПОЛОГИЯ ВОЙНЫ 1812 ГОДА:
ПОЛЬСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ
ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ НА БЕЛАРУСИ
(1812–1815) (По документам Национального
исторического архива Беларуси)**

Dulce et decorum est pro patria mori¹.

События времен наполеоновских войн основательно освещены в мировой исторической литературе. Не меньше внимания уделено и изучению составной части этих войн – кампании 1812 г. Для одних историков это «Русская кампания», для других – Отечественная война 1812 г. Потому естественно, что взгляды на обстоятельства указанных событий не совпадают у историков – представителей стран, в прошлом, участниц войны. Это понятно, ведь для каждой из сторон суть и итоги войны были соответственно своими: для Франции «Русская кампания» – начало конца, крушение надежд на мировое господство; а для Российской империи Отечественная война 1812 г. – блестящая победа, укрепление собственных позиций на европейской политической арене. Долгое время эту проблему и рассматривали именно с таких позиций, одновременно выделился и отдельный польский взгляд на нее².

Поэтому для белорусских исследователей чрезвычайно важно, пусть и со значительным опозданием, разработать собственную концепцию событий 1812 г., попробовать дать объективный ответ на вопрос: что принесла война нашей стране? Отчего она применительно к нашему народу имела выразительные черты гражданской войны, когда население страны действительно расколосось на два враждующих лагеря и поддерживало как русских, так и французов, связывая с последними надежды на воссоздание недавно потерянной государственности [6, с. 8]. А белорусское крестьянство вело

борьбу с насилием, которое исходило от представителей обеих армий. Необходимо взглянуть на эту безусловно очень важную и не менее актуальную проблему собственными, белорусскими глазами.

В течение десятилетий официальные белорусские советские историки калькировали взгляды своих российских коллег, стремясь всеми средствами подчеркнуть единство белорусов и русских в борьбе с врагом, что было отражено как в немногих научных изданиях, так и в школьных и университетских учебниках³. На современном этапе разработка вопросов этой тематики ведется с учетом многогранности и неоднозначности событий 1812 г. для тогдашнего белорусского общества такими исследователями, как Груцко, Козак, Нестерчук, Антонов, Ерусалимчик, Швед, Яновский и др. Чрезвычайно ответственный и во многом знаковый шаг был сделан в результате проведения международной научной конференции, плодом которой стало издание сборника «Французско-русская война 1812 года. Европейские дискурсы и белорусский взгляд» (Материалы международной научной конференции 29–30 ноября 2002 года. Минск. Мн., 2003), где практически впервые официально события 1812 г. названы «Французско-русской войной», а не Отечественной войной 1812 г.⁴ Значительные подвижки сейчас делаются для увековечивания памяти событий тех времен, свидетельством чего являются установленные в последнее время памятники на месте Березинской переправы.

События войны 1812 г. были испытанием и основанием для выявления гражданской позиции жителей Польши и бывшего Великого княжества Литовского. Многочисленные участники кампании 1812 г. на стороне Наполеона из числа населения территории современной Беларуси в то время определяли себя поляками, хотя, безусловно, принадлежали к белорусскому этносу. Данное уточнение необходимо для понимания обстоятельств той эпохи. Ведь почти во всех русских документах того времени, рассмотрение которых будет далее, уроженцев белорусских губерний, которые принимали участие в войне на стороне французов, официально называли поляками (чаще всего они сами себя так и идентифицировали). В данной работе разговор будет вестись не только о настоящих этнических поляках, но и о белорусской знати, которая боролась за воссоздание независимости своего отечества.

Российское правительство активно занималось проблемой военнопленных, которая чрезвычайно остро проявилась в конце 1812 года.

Например, уже в декабре 1812 г. была создана особая комиссия по военнопленным в г. Витебске с целью их приема, учета, распределения, размещения, эвакуации в другие места и на родину [5, с. 1–2]. Это учреждение продолжало свою работу до 1815 г. включительно, о чем свидетельствуют собранные в процессе его деятельности документы. На сегодня в фонде насчитывается 104 дела. Это рукописные материалы, в которых содержатся сведения о пересылке военнопленных (53 дела), об обеспечении деньгами, провиантом, снаряжением (16 дел), о выделении средств на удержание военнопленных (10 дел), о выделении конвоиров для сопровождения пленнх и обеспечении их деньгами (6 дел), о найме военнопленных помещиками (3 дела), о поисках родных среди пленнх и пересылке им писем и денег (2 дела); 14 дел содержат сведения о содержании военнопленных в госпиталях и др.

Основной состав документов – поименные списки военнопленных с указанием национальности, полков, чин, маршрутов следования из Риги в Витебск и далее в глубь России: Смоленск, Симбирск, Ярославль, Псков, Повгород; квитанции, которые были выданы в уездных городах комендантами, госпиталями, полицией, чтобы засвидетельствовать проход партии через определенный населенный пункт. А также книги прихода и расхода средств и провианта на содержание пленнх, контракты о поставке и квитанции о получении провианта, рапорты надзирателя за магазином о ревизии утерянных средств, расчеты цен на продукты [10, с. 139–140]⁵.

Документы Национального исторического архива Беларуси дают нам возможность иметь представление о наиболее типичных жизненных путях польских солдат, которые в 1812 г. попали в плен и поэтому остались в Российской империи. Необходимо отметить, что на сегодняшний день тема о судьбах военнопленных разных национальностей (в том числе и поляков) после 1812 г. в Беларуси разработана на недостаточном уровне. Большинство воспоминаний о этой проблеме ограничивается простым перечислением фактов, без попыток заглянуть в самую суть явления, выделить определенные закономерности. Однако в конце концов такая деятельность началась. Так, один из наиболее авторитетных в данной области исторической науки белорусских ученых, Вячеслав Швед, профессор Гродненского государственного университета, в своем сообщении «Беларусь времен наполеоновских войн (1805–1815 г.): состояние и перспективы исследований» на международной научной

конференции (которая имела место 29–30 ноября 2002 г. в Минске) выделил отдельное направление: судьба военнопленных на землях Беларуси [12, с. 6]⁶.

На счет судьбы части пленнх поляков царским правительством было принято особое решение, которое обуславливало дальнейшее обращение с ними:

«Пленнх поляков направить на укомплектование полков на Кавказе, в Грузии и даже на Сибирской линии. Чем не только уменьшить цифру пленнх, которые находятся на содержании казны, но и сохранить собственных рекрутов для укрепления армии, которая борется против французов». И действительно, пленнх польских солдат направляли в эти беспокойные пограничные регионы Российской империи. Так, например, одна из партий пленнх поляков (11 обер-офицеров и 462 человека «более низких чинов»), собраннх в Минске, была направлена на Кавказ в г. Георгиевск следующим маршрутом: Минск – Игумен – Бобруйск – Рогачев – Белица – Чернигов – Нежин – Лубны – Миргород – Полтава – Константиноград – Новомосковск – Павлоград – Ставрополь – Александров – Георгиевск. Причем был также разработан еще более детальный маршрут для пленнх, с перечнем всех населенных пунктов. Потому было точно известно, через какую деревню или городок пройдут на своем пути пленные («Село Кленчевичи 15½ версты, городок Свислочь 30¾ версты, Игумен 26½ версты») [4, с. 52]. Охранный конвой партии состоял из 1 обер-офицера, 2 унтер-офицеров и 50 рядовых солдат, которым было приказано, чтобы «во время движения военнопленные получали без задержек их жалованье и содержание, отпуская его всегда за семь дней вперед; и чтобы при проходе через деревни и города, как они сами, так и горожане вели себя кротко и человеколюбиво» [3, с. 27]. Во время дороги пленные получали определенное жалованье (на месяц 11 обер-офицерам – 70 руб., 462 простым солдатам – 716 руб.). На двенадцать солдат в дорогу выделялось по одной подводе, такие же условия были и для двух офицеров. Материальная поддержка ограничивалась следующим: «7 шинелей, 20 рубах, 100 мундиров, шапок 100, лаптей 300, ткани и тряпок триста локтей» [3, с. 51]. К тому же принимались меры, чтобы на квартирах не происходило никаких сношений с местным населением, во избежание распространения болезней (смертность среди пленнх была огромной, несмотря на то, что царское правительство добивалось создания хотя бы

минимальных условий для сохранения их жизни). В свою очередь предусматривались меры по сбору и захоронению погибших солдат. В циркулярах, которые распространяли Министерство полиции и Департамент медицины, предлагались следующие мероприятия для нераспространения болезней: «В тех губерниях, где были театры войны либо неприятельская ретирада» предусматривалась «уборка и глубокое захоронение либо сожжение умерших. Чтобы трупы всякого рода, как человеческие, так и животных, которые находятся на поверхности земли либо зарыты не достаточно глубоко, были без отсрочки сожжены».

Отдельную категорию военнопленных поляков составляли те, кому после нескольких лет ссылки повезло возвратиться на родину. Опираясь на архивные сведения, можно утверждать, что такие случаи имели место уже в начале 1814 г. [2, с. 27]. Свидетельством этого является «Дело о возвращении военнопленных на жительство в Минскую губернию». Оно было начато 15 мая 1814 г., а завершено 27 ноября того же года. Сохранилось оно в канцелярии тогдашнего минского гражданского губернатора Павла Михайловича Добрынского. Еще 18 апреля 1814 г. из Варшавы были отосланы списки тех, «кто возвращается на прежнее место жительства из числа военнопленных армии Герцогства Варшавского, которые определили себя уроженцами Минской губернии» [2, с. 3].

Разрешение на возвращение в родные места автоматически исключало лицо из категории военнопленных. В свою очередь «поляки» из Минщины писали особые прошения на имя минского губернатора. Целесообразно привести определенные выдержки из одного типичного документа данной тематики, ведь они позволяют более наглядно представить тогдашние исторические реалии:

«Покорнейшее прошение

Пленного польской службы поручика Кароля Войциловича.

... Служил я в польском 22-ом пехотном полку графа Чапского... В 1812 году был взят российскими армиями под Минском в плен и был направлен вместе с другими в город Волчанск Харьковской губернии, где и находился до последнего времени. А сейчас направлен оттуда с другими пленными к городу Белостоку. В списке этой партии я был записан уроженцем Герцогства Варшавского. Но так как я не Варшавского, а здешней [Минской] губернии уроженец, где имею

родного папу и брата и других родственников, потому и осмеливаюсь ваше Величество светлейшее отягощать, так как я действительно Слуцкого уезда помещик...

сентября 3 дня 1814 года

Karol Wajniłowicz

Porucznik

[2, с. 9]

Его прошение было рассмотрено и через некоторое время, согласно резолюции, было выписано соответствующее разрешение (в источнике – «билет») «освобожденному военнопленному польской службы Каролу Войциловичу». По приезде в Слуцк он должен был явиться в тамошний более низкий суд для регистрации [2, с. 10].

О процессе возвращения на родину из внутренних русских губерний пленных поляков свидетельствуют также поименные списки партий, которые в свое время направлялись в Беларусь и далее в Польшу⁸.

Отдельную категорию участников войны 1812 г. на стороне Бонапарта составляли те, кто после французской ретирады стремился отсидеться в собственных поместьях. Однако с приходом российской администрации почти все они были взяты на соответствующий учет. До наших дней дошли статистические материалы указанного состава. Так, например, на 22 сентября 1814 г. в Игуменском уезде Минской губернии насчитывалось 22 таких лица. Для их учета составлялись таблицы со следующими графами:

1. имя, фамилия, звание;
2. в каком полку паходился;
3. какой имел чин;
4. где кто имеет жительство. [2, с. 20]

Но не только уроженцы белорусских земель пробовали переждать здесь преследование. Для конца 1812 – начала 1813 гг. нередким явлением были попытки коренных поляков спрятаться от заключения у своих соратников на землях Беларуси. Отдельный массив образуют дела о розыске так называемых «бродяг» – бывших участников батальев, которые остались на территории Российской империи и еще не успели попасть в разряд пленных. Образцовым в таком смысле можно считать судьбу «бродяги», варшавского уроженца Тадеуша Иджковского, который прошел типичный путь

польского солдата в составе Великой армии: «...В 1812 году был взят Домбровским⁹, находился в Борисове, где и был захвачен российскими армиями в плен, находился у помещика Радевича ввиду болезни, где ко времени его второго задержания и имел приют» [3, с. 776–778].

От рядовых пленных поляков по своему положению и востребованности очень отличались военные врачи. Хотя они и являлись пленными, но их очень оберегали и даже оплачивали работу. Это хорошо видно на основании материалов Минского военного госпиталя, которые содержат списки медицинских чинов, какие были оставлены при раненых. Так, в Минском госпитале в 1813 г. было 7 «штаб-врачей», которым платили по 1 рублю в день (исходя из фамилий, шестеро из них были французами, а один, Крампицкий – поляком) [1, с. 1–2].

Еще одной группой, немногочисленной по количеству, являются поляки, «присланные по паспортам на прежнее место жительства из-за границы». В соответствующие ведомости заносились следующие сведения:

1. когда прибыл;
2. какой имел чин;
3. в каком полку служил;
4. согласно какому паспорту возвратился;
5. где и какое место жительства имеет. [2, с. 23].

Вообще же «легализация» военнопленных «поляков» на белорусских территориях затянулась на долгие годы. Свидетельством этого может служить «Дело о желании военнопленного поляка, рядового Понятовского, принять русское гражданство», датированное 1817 г. [4, с. 2]. Желание солдата Понятовского было удовлетворено, и наконец он стал гражданином Российской империи, избавившись от клейма военнопленного.

Как мы видим, судьбы польских солдат, которые по разным причинам остались на территории Российской империи (территория современной Беларуси) или сочли целесообразным по каким-то причинам возвратиться туда, сложились по-разному.

Наиболее трагическая судьба постигла часть пленных польских солдат, которые после войны 1812 г. были сосланы до конца своей жизни на окраины империи или в «горячие» точки, вроде Кавказа, где были вынуждены воевать за интересы своего недавнего врага. Трагедия польских воинов заключалась еще и в том, что с самого

начала они являлись оружием в чужих руках. Так, надежда на воссоздание государственности бывшей Речи Посполитой при помощи Франции подтолкнула наиболее активных патриотов вступать в польские легионы подштабдантами Наполеона еще в конце XVIII в. Однако они оказались втянутыми в решение общеевропейских споров, что не способствовало возрождению Речи Посполитой [11, с. 32]. Да и на протяжении последующих лет Наполеон не собирался давать полную независимость полякам, не обращая внимания на их надежды и усилия, с чем соглашались также и французские историки [14, с. 127]¹⁰.

Значительно отличался от этих судеб путь тех, кто согласно царскому распоряжению имел возможность после нескольких лет, проведенных на чужбине, в ссылке, возвратиться на Родину. Они так и не были окончательно реабилитированы в глазах местной русской администрации – за ними на протяжении следующих десятилетий сохранялся чрезвычайно пристальный контроль.

Не меньше настораживали царское правительство и те, кто остался в собственных имениях после окончания войны 1812 г. либо возвратился из-за границы. Все равно они оставались для Российской империи чужеродным, подозрительным элементом. Во-первых, они были военнопленными поляками, а во вторую очередь, подданными России. Такое подозрение, как показало время, действительно имело основание, ведь многие из тех, кто воевал в 1812 г. на стороне Франции (иногда и их потомки) через 20 лет принимали участие в освободительном восстании 1830–1831 гг.

¹ Достоянная и красивая смерть за родину (лат.).

² Уже в 1812 г. в Варшаве Ю.В. Немцевич издал «Listy Litewskie». Отличительным событием также стала публикация записок участника войны на стороне Наполеона Ф. Гжимилы в альманахе «Sybilla tulactwa polskiego» в Париже в 1833 г. Нельзя обойти вниманием и работу Р. Солтыка «Napoleon en 1812», которая увидела мир в 1836 г. в Париже. Свообразным подытоживанием полученных знаний по данной проблематике в первой половине XX в. стало издание работ И. Ивашкевича «Litwa w roku 1812» (Краков, Варшава, 1912 г.), и Кукеля М. «Wojna w roku 1812» (Т. 1–2. Краков, 1937 г.).

³ Наиболее ярким проявлением такой позиции является книга Е.И. Корнейчика «Отечественная война 1812 года и участие в ней белорусского народа» (Минск, 1962).

⁴ Дело в том, что статья В.В. Антонова в Энциклопедии истории Беларуси (Т. 1. Мн., 1993) называется «Отечественная война 1812 г.».

⁵ В начале Русской кампании 1812 г. Великая армия насчитывала более чем 600 тыс. солдат, подавляющее большинство которых в итоге неудавшейся кампании не сумело оставить границ Российской империи. Какое бы количество убитых солдат в этом походе ни было, цифра плененных в любом случае остается огромной. Как свидетельствовал Клаузевиц, количество обезоруженных и оставших солдат примерно к концу первого этапа отступления было столь значительным, что в околицах Красного равнялось количеству людей, которые держались в строю. Но со второй половины отступления, вплоть до переправы через Неман, цифра оставших была ничтожной. Таким образом, остатки Великой армии или погибли от холода, голода и русской сабли, или остались в качестве военнопленных на белорусской земле. Безусловно, среди них было и значительное количество поляков [8, с. 174].

⁶ Среди немногих публикаций этой тематики следует назвать: Череница В.П. Французские военнопленные в Гродненской губернии после 1812 года // Ноябрь. 2002. № 35–37; Л.М. Лисова. Документы Витебской губернской комиссии по военнопленным 1812–1815 гг. как исторический источник // Французская революция и судьбы мира. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной годовщине Французской революции (1789–1799). 21–22 апреля 1999 г., Минск. Мн., 1999. С. 139–142.

⁷ Проанализировав поданные в списках фамилии пленных поляков, можно прийти к выводу, что среди них были и выходцы из восточных краев прежней Речи Посполитой. Полагать об этом нам позволяют также сведения о том, что знаменитый 32-тысячный корпус Понятовского состоял на треть из уроженцев Беларуси. А во время выступления Великой армии из Вильно среди солдат началась холера и чума. В итоге до шести тысяч воинов осталось в городе. Пополнение состояло из местного населения. Нельзя не вспомнить и про 8-й уланский полк Доминика Радзивилла, который был сформирован из белоруссов из околиц Несвижа и других владений магната. Из поляков и, частично, белоруссов были укомплектованы дивизии генералов Домбровского, Кнежевича, Каминского, Заёнчика; практически из одних белоруссов была сформирована батарея капитана Богдановича [6, с.15].

⁸ В Национальном историческом архиве Беларуси хранится «Поименный список отправленной из Лебедина к Белостоку пятой партии военнопленных поляков, обер-офицеров и слуг». Ее состав был следующим: 14 капитанов, 31 поручик, 32 подпоручика, «одна офицерская жена Каролина» и 5 слуг; вместе 83 лица [3, с. 10].

⁹ Разговор идет о Домбровском Яне (1755–1818). Участник восстания 1794 года. В войне 1812 года с Россией командовал дивизией, затем отрядом, во главе которого в ноябре 1812 г. защищал от наступающих русских армий город Борисов и переправу через Березину. Был козужен. В марте 1813 г. возглавил в Лейпциге остатки польского корпуса. В 1814 г. с разрешения царя Александра I возвратился в Варшаву.

¹⁰ Наиболее дискуссионным является высказывание самого Наполеона на этот счет: «Je verrai si les Polonais se rendraient dignes d'être une nation». Я посмотрю, достойны ли поляки сформировать нацию» [14, с. 127].

1. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 295. Оп. 1. Ед. хр. 110.
2. Там же. Ед. хр. 118.
3. Там же. Ф. 299. Оп. 1. Ед. хр. 147.
4. Там же. Ед. хр. 128.
5. Там же. Ф. 1413. Оп. 1. Ед. хр. 54149.
6. Пиличчык В. 1812 год: грамадзянская вайна? // Літаратура і мастацтва. 1993. 12 сакавіка.
7. Кісялёў Г. Дамброўскі Я. // Эцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 3. Мн., 1996. С. 202.
8. Клаузевиц К. 1812 год. М., 1997.
9. Крук У. Гячэвіч І. // Эцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 3. Мн., 1996. С. 183.
10. Лисова Л.М. Документы Витебской губернской комиссии по военнопленным 1812–1815 гг. как исторический источник // Французская рэвалюцыя і лёсы свету. Матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай гадавіне Французскай рэвалюцыі (1789–1799). 21–22 красавіка 1999 г., Мінск. Мн., 1999. С. 139–142.
11. Михайловская Л.Л. Польские легионы под знаменами Наполеона // Французская рэвалюцыя і лёсы свету. Матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай гадавіне Французскай рэвалюцыі (1789–1799). 21–22 красавіка 1999 г., Мінск. Мн., 1999. С.31–33.
12. Швед В. Беларусь часоў напалеонаўскіх войн (1805–1815 г.): стан і перспектывы даследаванняў // Французска-руская вайна 1812 года. Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі 29–30 лістапада 2002 г., Мінск. Мн., 2003. С. 9–17.
13. Polski Słownik Biograficzny. T. VII. Kraków, 1948–1958.
14. Giza Antoni. La France envers la question Polonais dans les années 1806–1809 // Французска-руская вайна 1812 года. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі 29–30 лістапада 2002 г., Мінск. Мн., 2003. С. 126–133.